

за ней четкое психологическое представление о личности преподавателя, о ее свойствах и профессиональных требованиях к ее развитию, об особенностях деятельности педагога, или же интерпретация понятия «стиль обучения» сводится к эмпирической констатации различий во внешнем поведении преподавателя на уроке. Большая часть американских, английских и западногерманских исследований в данной области относится ко второй группе.

В настоящей статье мы затронули только несколько вопросов, представляющих интерес с точки зрения обоснования конкретной методики преподавания. Совершенно очевидно, что таких вопросов гораздо больше, и одна из главных задач статьи — обратить внимание читателя на необходимость их разработки применительно к специфике обучения русскому языку как иностранному.

ЛИТЕРАТУРА

1

Леонтьев А. А.

Проблема системности в методике обучения иностранцев русскому языку и понятие интенсификации. — «Русский язык за рубежом», 1978, № 6.

2

Леонтьев А. А.

Педагогическое общение. — М., 1979.

3

Макаренко А. С.

Соч.: В 7-ми т. — М., 1958, т. 5.

4

Крупская Н. К.

Пед. соч.: В 10-ти т. — М., 1959, т. 3.

5

Макаренко А. С.

Соч.: В 7-ми т. — М., 1958, т. 4.

6

Калинин М. И.

О коммунистическом воспитании. — М., 1968.

7

Сухомлинский В. А.

Как воспитать настоящего человека. — Киев, 1975.

8

Сухомлинский В. А.

Рождение гражданина. Изд. 2-е. — М., 1971.

9

Сухомлинский В. А.

Мудрая власть коллектива. — М., 1975.

10

Блонский П. П.

Курс педагогики. Изд. 2-е. — М., 1918.

Лингвистика

Г. А. Золотова

Докт. филол. наук,
старший научный сотрудник
Института русского
языка АН СССР

Опыт компонентного анализа синонимических конструкций

1. Работа над синтаксическими синонимами — важное средство овладения языком. Эффективность этой работы во многом зависит от того, что мы знаем о сходстве и различиях сопоставляемых конструкций, о причинах и условиях их соотносительности. Наблюдения над синонимическими конструкциями русского языка, имеющиеся в курсах и учебных пособиях, нуждаются в дальнейших уточнениях и систематизации.

Синонимичными считаем синтаксические конструкции, формирующиеся одинаковым набором одноименных, но разнооформленных структурно-семантических компонентов. Роль каждого из компонентов предложения определяется комплексом признаков — семантических, синтаксических и морфологических, которые выявляются в синтагматических и парадигматических сопоставлениях и противопоставлениях.

Интерпретация предложения в традиционных терминах членов предложения не дает достаточных оснований для выявления синонимических отношений в синтаксисе. Помимо морфологических признаков (падежной формы имени существительного и личной/неличной формы глагола) — признаков, которыми главным образом руководствуются в распределении ролей членов предложения, для выявления структуры предложения необходимо учитывать а) категориальную семантико-грамматическую характеристику ком-

понентов и б) их взаимные и взаимообусловленные отношения в рамках синтаксической модели.

Для имени релевантны категориальные противопоставления подклассов конкретности / отвлеченности, одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, в пределах отвлеченности — значений действия, качества, состояния и др. Для глагола основным служит противопоставление по признаку акциональности / неакциональности. Поскольку эти противопоставления опираются не только на семантику, но также на словообразовательные, морфологические и синтаксические различия подклассов частей речи, т. е. закреплены в синтагматических и парадигматических координатах языка, то компонент предложения получает достаточно объективную и разноаспектную формально-содержательную квалификацию. Структурно-семантические компоненты предложения выступают как единицы одновременно содержательные и структурные, воплощая в себе двустороннее единство внеязыкового значения и языковой его формы. Преимущество такой системы представления структуры предложения, помимо прочего, и в том, что она избавляет от «двойной номенклатуры», от необходимости выяснения отношений между планом «членов предложения» и планом его семантических компонентов.

По инерции схемы «подлежащее — сказуемое — дополнение» имени в именительном падеже часто приписывают значение производителя действия, глаголу — значения действия, а имени в косвенном падеже — значение объекта действия вопреки природе явлений, ими обозначенных.

Компонентный анализ позволяет установить, обоснованы ли такие квалификации, и, исходя из этого, решать вопросы идентификации синтаксических структур.

2. Рассмотрим несколько групп соотносительных конструкций.

(1) Дети шумят.

(а) —

(б) —

(2) Лес шумит.

(а) В лесу шум.

(б) —

(3) Толпа шумит.

(а) В толпе шум.

(б) В толпе шумят.

(4) Класс шумит.

(а) В классе шум.

(б) В классе шумят.

С точки зрения привычного анализа эти предложения представляют одну и ту же струк-

туру, которую принято записывать как N_1 — V_f и в составе ее видеть подлежащее и сказуемое, или компоненты со значением производителя действия (субъект) и действие. Вместе с тем нетрудно обнаружить, что эти предложения располагают различными возможностями синонимических преобразований, что свидетельствует о различиях в их системных связях. Так (2) синонимически соотносительно с (2а) *В лесу шум*, для (1) аналогичный синоним (**В детях шум*) невозможен.

Для объяснения подобных нерегулярностей прибегают обычно к понятию «лексических ограничений» в синтаксисе. Представляется, однако, что дело здесь не в отдельных лексических ограничениях, не подведомственных грамматике, а в регулярных грамматических закономерностях компонентного состава предложений. Компоненты (1) — обозначения предмета-лица и его действия. Компоненты (2) — обозначения предмета-пространства и его состояния.

Предмету-лицу свойственно производить действие, быть агенсом. Неодушевленные предметы, в том числе предмет-пространство, не производят действий, неспособны быть агенсом, *лес* выступает здесь как носитель состояния, каузированного природной стихией, силой ветра. Модели (3) и (4) дают больше синонимов, и это объясняется тем, что их именные компоненты не имеют «чистого» типового значения, в них как бы совмещаются признаки субъектов (1) и (2) модели: *толпа* означает совокупность лиц, производящих действие (*шум*), а вместе с тем она обладает признаком пространства, занимаемого этой совокупностью лиц; *класс* означает помещение, пространство, а вместе с тем употребляется в смысле совокупности лиц, занимающих это помещение, иными словами, субъекты (3) и (4) соединяют в себе агентивно-локативные значения. Соотношение этих значений варьируется затем в синонимических предложениях: в локативной форме моделей (3а) и (4а) еще ощущается значение совокупности лиц, среды-носителя шума, вместе с тем усиливается значение пространственное, которое затем «в чистом виде» реализуется в моделях (3б) и (4б). В последних предложениях значения места и субъекта действия разъединились: субъект действия выступает в неопределенно-личном значении (но все-таки из тех, кто в толпе, кто в классе). Отсутствием значений действия и агенса объясняется невозможность неопределенно-личного варианта для предложения (2). См. следующий ряд конструкций:

(5) Мать волнуется.

(а) —

(б) Мать в волнении.

(в) —

- (6) Море волнуется.
 (а) В море (на море) волнение.
 (б) —
 (в) —
- (7) Публика волнуется.
 (а) В публике волнение.
 (б) Публика в волнении.
 (в) (В публике волнуются)
- (8) Зал волнуется.
 (а) В зале волнение.
 (б) —
 (в) В зале волнуются.

Ту же противопоставленность личного и предметно-пространственного носителя предикативного признака наблюдаем в моделях (5) и (6), то же совмещение личного и пространственного значения в носителе признака моделей (7) и (8).

Глаголы здесь противопоставлены не по значению действие-состояние, а по значению психологическое состояние лица (5), (7), (8) / физическое состояние предмета (6). Пространственное значение субъекта реализуется затем в локативе (6а), пространственное, совмещенное со значением совокупности лиц, в (7а) и (8а). Естественно, что отсутствие пространственного значения в субъекте (5) не дает и соответствующей синонимической конструкции. Впрочем, при более или менее метафоризованном способе выражения лицо-носитель состояния может приобретать своего рода пространственные признаки, значение некоего «вместилища», когда состояние представляется как нечто происходящее «внутри» человека, сравните: *Мать чувствовала, как в ней поднимается волнение, как в ней нарастает тревога* и т. п.

Чаще наблюдается обратное «пространственное» соотношение субъекта и его интенсивного состояния, когда субъект предстает охваченным, как бы окруженным этим состоянием, как точка «внутри» состояния: *Мать в волнении, в тревоге, в гнев, в ужасе, в ослеплении, в жару, в обмороке*.

Конструкция *Море в волнении* неупотребительна, видимо, потому, что языковому сознанию не представляется пространство, окруженное состоянием (сравните впрочем, *В долине тишина — Долина в тишине*). Более свойственно русскому языку предикативно сочетать значения лица и его состояния в рамках модели принадлежности: лицо предстает здесь как посессивный субъект, а состояние, душевное состоянием (сравните, впрочем, *В долине признак: У матери волнения, тревога, радость, жар, обморок, ангина*).

Конструкций эти лексически не свободны (*Мать гневается — Мать в гнев, но не*У*

*матери гнев; Мать болеет ангиной — У матери ангина, но не *Мать в ангине, возможное, впрочем, еще в XIX веке), однако лексические нерегулярности не заслоняют семантико-грамматических, категориальных закономерностей в организации моделей.*

Одинаковый набор одноименных, но разнооформленных компонентов, в данном случае со значением одушевленного субъекта и его состояния, позволяет видеть в ряду моделей общее, инвариантное типовое значение и рассматривать этот ряд как синонимический. Члены этого ряда, при наличии соответствующих структурно-семантических условий и ограничений, сохраняют способность к взаимозамещению (или, в другой терминологической системе, к взаимному преобразованию), с соответствующими дополнительными оттенками общего значения. Ряд этот не исчерпывается приведенными конструкциями, он продолжается в таких моделях, как *Матери тревожно, радостно, больно, весело; Мать радостна, весела, больна; Мать встревожена, обрадована; Мать испытывает, чувствует, ощущает тревогу, боль* и т. д.¹ На тех же основаниях другие синонимические ряды видим в конструкциях, объединенных под одним номером. Конструкции же, обозначенные разными номерами: (1) — (2), (5) — (6), несмотря на внешнюю близость, не представляют идентичные модели. Их нельзя назвать и синтаксическими омонимами, поскольку компоненты их материально различны, организуются разными категориально-грамматическими классами слов. Только признак **омоморфности**, подобия морфологических форм компонентов, объединяет эти модели.

3. Рассмотрим другие конструкции:

- (9) Иван открывает дверь.
 (а) Дверь открыта Иваном.
 (б) Иван открывает дверь (ключом).
- (10) Ключ открывает дверь.
 (а) Дверь открыта ключом.
 (б) —
- (11) Вошедший освещает комнату.
 (а) Комната освещена вошедшим.
 (б) Вошедший освещает комнату (фонарем).
- (12) Фонарь освещает комнату.
 (а) Комната освещена фонарем.
 (б) —
- (13) Музыкант играет.
 (б) Музыкант играет (на скрипке).
- (14) Скрипка играет.
 (б) —

¹ См. *Цейтлин С. Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1977.

- (15) Охотник стреляет.
(б) Охотник стреляет (из ружья).

- (16) Ружье стреляет.
(б) —

Традиционный анализ увидит в этих предложениях подлежащее — сказуемое — (прямое дополнение). С точки зрения компонентного состава нечетные конструкции представляют набор компонентов: агенс — действие — (объект действия), а четные: орудие — действие — (объект действия). Парадигматика агенсных и орудийных форм на первый взгляд недостаточна для обнаружения структурно-семантических различий между ними: и в именительном, и в творительном они омоморфны (сравните: 9, 10, 11, 12 и 9а, 10а, 11а, 12а). Но если продолжить парадигматический ряд, увидим специфику средств оформления орудийного компонента (сравните конструкции с производными предложениями с помощью, при помощи, посредством ключа).

Синтагматика подкрепляет выявление этих различий: творительный орудия (и другие орудийные формы слова) совместимы с именительным агенса (см. 9б 11б, 13б, 15б), но не наоборот.

Следовательно, здесь нечетные примеры и четные представляют разные модели, соответствие между ними лишь омоморфное. Если же сопоставить конструкции под индексом б (*Иван открывает дверь ключом*) и соответствующие им модели под четными номерами (*Ключ открывает дверь*), между ними можно увидеть отношение **неполной синонимии**. Разницу в наборе компонентов составляет наличие/отсутствие агентивного имени. Конструкции с отсутствующим агентивным именем по составу компонентов так же относятся к конструкциям с наличным агентивным именем, как неопределенно-личные предложения с устраненным за ненужностью агентивным именем относятся к личным с названным агенсом. Сравните неопределенно-личные параллели: (9в) *Дверь открывают (ключом)*; (11в) *Комнату освещают (фонарем)*; (13) *Играют (на скрипке)*; (15в) *Стреляют (из ружья)*, возможные как неполные синонимы для предложений с агентивным компонентом. Можно выразить это соотношение формулой:

Иван открывает дверь ключом: Ключ открывает дверь = Иван открывает дверь ключом: Дверь открывают ключом.

Следует обратить внимание на неоднозначность четных примеров. В синонимические отношения с нечетными (а) они вступают только в случае совпадения значений в плане временной локализованности: если обозначают актуальное действие, прикрепленное к определенному моменту времени. Но в тех же

примерах может сообщаться не об осуществляющемся действии, а лишь о свойстве предмета по его назначению или пригодности для функционирования, в таком случае синонимические их связи иные (сравните: *Этот ключ открывает дверь, а этот — шкаф* ≈ *Этот ключ от двери, этот — от шкафа*; *Один фонарь освещает комнату, а другой — запасной* ≈ *Один фонарь — для комнаты, другой — про запас*; *Скрипка — играет, ружье — стреляет* ≈ *Скрипка для игры, ружье — для стрельбы*; *Скрипка не играет, ружье не стреляет* ≈ *неисправны*).

4. В грамматиках и пособиях постоянно отмечается синонимический параллелизм безличных и личных предложений.

Намело сугробы метелью —
Метель намела сугробы,

Его обдало волной —
Его обдала волна,

Ветром снесло крышу —
Ветер внес крышу и т. п.

Сопоставление выявляет обычно наличие имени в именительном падеже, подлежащего, в одном предложении и отсутствие его в другом. Этот признак принято считать основанием для главной оппозиции в системе типов русских предложений: односоставные — двусоставные.

Представляется небезынтересным рассмотрение подобных оппозиций с точки зрения компонентного состава предложений.

(17) Волны принесли лодку — (17а) Лодку принесло волнами.

(18) Дети принесли кошку — *(18а) Кошку принесло детьми,

(19) Буря разбила корабль — (19а) Корабль разбило бурей,

(20) Сестра разбила стакан — *(20а) Стакан разбило сестрой.

Наличие безличных вариантов для нечетных примеров и невозможность — для их омоморфных четных пар вытекает из различий в их компонентном составе. Общие их компоненты — действие и объект действия. Различные — агентивное имя (*дети, сестра*) и имя стихийного каузатора действия (*волны, буря*). С характером «деятеля» связан и характер действия. Стихийное действие всегда произвольно, действие одушевленного предмета может быть и произвольным, намеренным, целенаправленным (18), но может быть и ненамеренным, произвольным (20). Можно сформировать противопоставленность нечетных моделей четным по признаку маркированная/немаркированная произвольность действия. Если же парадигматически соотнести способы выражения действия в нечетных

примерах по горизонтали, то и здесь можно увидеть немаркированную произвольность, стихийность в личной форме и маркированную — в безличной. Понятно, что компоненты со значением стихийного действия и стихийного каузатора синтагматически совместимы (17а, 19а), а стихийного действия и одушевленного деятеля синтагматически несовместимы (*18а, *20а). Той же разницей в компонентном составе объясняется наличие неполных синонимов к четным примерам, сравните: (18б) *Принесли кошку*, (20б) *Разбили стакан* и невозможность подобных параллелей к нечетным примерам.

В литературе известны попытки возвести различие между параллельными личной и безличной моделями либо к валентностным различиям личного и безличного глагола, либо к различиям в падежных значениях именных форм. По-видимому, каждое из этих объяснений останется односторонним, если не учитывать взаимную обусловленность значений структурно-семантических компонентов моделей.

Компонентный анализ показывает, что по структурно-семантическому составу «личные» и «безличные» модели в горизонтальных парах, разносимые традиционной классификацией по противоположным рубрикам, гораздо ближе друг к другу чем оморфные личные модели в парах по вертикали.

5. При изучении синонимических моделей встает вопрос об их системном месте. Синонимический ряд обычно возглавляется какой-то из моделей, которая считается основной, первичной конструкцией, принадлежащей к центру синтаксической системы, а другие — вторичными, вариативными, «периферийными». Каким требованиям должна отвечать основная модель? Она должна отображать соответствующие отношения внеязыковой действительности наиболее «прямыми», экономичными языковыми средствами, без дополнительных смысловых наслоений и модификаций. Если по способу отражения действительности, или, точнее, по признаку соответствия / несоответствия семантики компонентов модели значению ее внеязыковых референтов, разграничить **изосемические** и **неизосемические** модели, то очевидно, что основная модель синонимического ряда должна быть именно изосемической. Сопоставим с этой точки зрения ряд моделей:

- (21) Лесоруб свалил дерево.
 (а) —
 (б) Дерево свалено лесорубом.
 (22) Ураган свалил дерево.
 (а) Ураганом свалило дерево.
 (б) Дерево свалено ураганом.

Исходя из компонентного состава, находим здесь два синонимических ряда моделей. Среди моделей, сообщающих о действии лесоруба, изосемической является первая (21) с личным именем агенса, личной формой акционального глагола и винительным падежом объекта действия. В синонимической модели (21б) способ оформления компонентов привносит дополнительные смысловые наслоения: действие представлено в его результате, как результативное состояние предмета, а предмет, объект действия выступает как субъект — носитель предикативного состояния.

Среди моделей, сообщающих о воздействии урагана, основным, изосемическим является не личное, а безличное предложение (22а): в составе его компонентов в наиболее «чистом», однозначном виде отображен стихийный характер события. В модели (22) форма именительного падежа имени и личная форма глагола создают впечатление якобы произвольного действия активного деятеля, хотя это впечатление не соответствует действительности. В модели (22б), так же как и в модели (21б), причастная форма глагола и падежная форма имени объекта получают дополнительные значения состояния и его носителя.

То же и в прежних примерах: модели типа *Иван открывает дверь ключом* изосемичны, а *Ключ открывает дверь* — вторичны, неизосемичны, потому что *ключ* (*фонарь*, *скрипка* и т. д.) предстает здесь как якобы производитель действия, будучи в действительности лишь инструментом в руках лица-деятеля. Не позволяет считать конструкции изосемичными наличие в них таких компонентов, как *класс*, *зал*, принимающих вид деятеля, отвлеченных *и шум*, *волнение*, представляющих действие, процесс в виде предметного понятия, и т. д.

Можно сказать, таким образом, что основные, изосемические модели, возглавляющие синонимические ряды и в совокупности своей составляющие ядро, центр синтаксической системы, характеризуются сбалансированным равновесием морфологических, синтаксических и семантических признаков, вариативные же, неизосемические модели — тем или иным смещением, нарушением этого равновесия.

Конечно, синтаксическая синонимия и возникает из потребности обогащения смыслов, соотношения значений, игры всевозможными «якобы» и «будто бы», смысловыми оттенками и переходами. Но лингвистический анализ, направленный на постижение языкового устройства, с точки зрения теоретического его осмысления или с точки зрения обучающей практики, заинтересован в умении снять эти «якобы», выделить «чистые», основные структурно-смысловые элементы и модели и на их фоне оценить переходные случаи и усложнения.